https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-182-201

Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково как прототип годуновской Святая Святых

С. Ю. Кавтарадзе

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация
skavtaradze@hse.ru

Для цитирования:
Кавтарадзе С. Ю. Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково как прототип годуновской Святая Святых // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 2. С. 182–201. https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-182-201

Аннотация. Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове – уникальный памятник, не имеющий аналогов ни в русской, ни в мировой архитектуре. Это многостолпное сооружение, возведённое всего в нескольких сотнях метров от храма Вознесения в Коломенском и во многом схожее с собором Покрова на Рву в Москве, однако имеющее купольное, а не шатровое завершение. Как правило, исследователи, опираясь на посвящение главного престола, датируют здание в пределах, очерченных годами жизни Ивана IV. Однако иконографический анализ композиции храма, включающего квадратное в плане основание и центрический объём верхнего яруса, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данная композиция была задумана как повторение форм ветхозаветного Храма Соломона и крепостных стен Иерусалима, какими их представляли в XV–XVI веках. Это обстоятельство, а также факт сходства пластического решения стен с тем, как их декорировали на рубеже XVI–XVII веков, позволяет предположить, что данное произведение – проект Бориса Годунова, точнее – натурный макет задуманного им здания Святая Святых в Московском Кремле. Вероятно, царь Борис хотел символически повторить известный библейский эпизод, когда Давид – основатель династии и великий воин – подготовил всё для строительства Первого Храма, но, по слову пророка, оставил возможность воплотить этот замысел своему сыну Соломону. В этом случае получает объяснение и выбор места для столь необычного сооружения. Именно в данном районе в 1591 году развернулись боевые действия против подошедшего к Москве войска крымского хана Казы-Гирея, где ярко проявились полководческие таланты Бориса Годунова.

Ключевые слова: церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове, храм Соломона, Святая Святых, Москва, Иван IV, Борис Годунов, многопрестольные храмы, образ Иерусалима.

© Кавтарадзе С. Ю., 2022

Church of the Beheading of John the Baptist in Diakovo as a prototype of Boris Godunov's Holy of Holies

Sergey Yu. Kavtaradze
National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation
skavtaradze@hse.ru

For citation:
Kavtaradze S. Yu. Church of the Beheading of John the Baptist in Diakovo as a prototype of Boris Godunov's Holy of Holies. *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4. 2. Pp. 182–201. https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-2-182-201

Abstract. The Church of the Beheading of John the Baptist in Diakovo is a unique monument that has no analogues in Russian or in world architecture. It is a multi-pillared structure built just a few hundred meters from the Church of the Ascension in Kolomenskoye and in many details resembling Saint Basil's Cathedral in Moscow but with a dome, not a tabernacle on its top. As a rule, researchers date it within the years of life of Ivan IV, relying on the dedication of the main altar. However, iconographic analysis of the composition including a square base and a centric volume of the upper tier allows to suggest that this composition was conceived as a replication of the forms of the Old Testament Solomon's Temple and the fortress walls of Jerusalem as they were represented in the 15th and 16th centuries. This circumstance, as well as the fact of the similarity of the plastic solution of the walls to the way they were decorated at the turn of the 16th and the 17th centuries, suggests that this work is Godunov's project or, more precisely, a full-scale model of the Holy of Holies building conceived by him in the Moscow Kremlin. Apparently, King Boris wanted to symbolically repeat the famous biblical episode when David – the founder of the dynasty and a great warrior – prepared everything for the construction of the First Temple, but, obeying the word of the prophet, left his son Solomon the opportunity to realize it. In this case, the explanation of the choice of location for such an unusual structure is obtained. It was this area where Godunov's military talents were clearly manifested in 1591 – in the battles against the Crimean Khan Ğazı II Giray, who planned to attack Moscow.

Keywords: the Church of the Beheading of John the Baptist in Diakovo, Solomon's Temple, Holy of Holies, Moscow, Ivan IV, Boris Godunov, multi-altar churches, image of Jerusalem.

В ряду русских шатровых храмов XVI века практически обязательно упоминается один необычный памятник, где шатра на самом деле нет. Это церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково.

Среди причин постановки её в названный типологический ряд можно назвать и близость другого знаменитого сооружения (от церкви Вознесения в Коломенском её отделяет лишь большой овраг), и определённое композиционное сходство с собором Покрова, что на Рву, – с ним, помимо прочего, её роднит многопрестольность, точнее, «многостолпность». Отсутствие «пирамидального» завершения в храме, в остальном близком к вышеуказанным, породило даже

сопровождаемую эффектной графикой (ил. 1) гипотезу о том, что на самом деле строительство шатра изначально предполагалось, и лишь волею обстоятельств он был заменён купольным перекрытием[1].

Ил. 1. Церковь Усекновения Главы св. Иоанна Предтечи в Дьякове.
Слева: вид храма в сер. XIX в. Источник: Мартынов, Снегирёв 1848, 102.
Справа: Реконструкция М. П. Кудрявцева на сер. XVI в.
Источник: https://drevo-info.ru/articles/13673707.html

Как ни странно, мы до сих пор не знаем, кем и когда было построено это здание. Начиная с середины XIX века датировки менялись множество раз, в основном сдвигаясь на всё более поздние сроки. Опубликованная в 1848 году статья И. М. Снегирёва, в которой факт празднования именин Ивана Грозного именно в этой резиденции был связан с посвящением главного престола [Мартынов, Снегирёв 1848, 106], определила, как кажется многим, обоснованный диапазон возможных датировок – от 1529 года, когда великий князь Василий III и его молодая жена Елена Глинская молились о даровании наследника, до 1584 года, когда Ивана Васильевича не стало.

Немногим позже Ф. Ф. Рихтер, опираясь на документ 1887 года, в свою очередь отсылавший к «записям писцовых или приправочных слепков или столбцов, хранящихся в ризнице церкви», определил, как ему казалось, несомненную дату появления существующего здания – 1529 год, а также и ктитора – великого князя Василия III [Рихтер 1850, 6; Кавельмахер 1990]. Эта датировка считалась неоспо-

[1] Имеется в виду известная реконструкция М. П. Кудрявцева.

римой до 1925 года, когда К. К. Романов выступил с утверждением, что клировые ведомости с указанием посвящения престолов на самом деле относятся к храму на Старом Ваганькове, близ Кремля [Романов 1925, 211]. Был он прав или нет, но с тех пор исследователи получили возможность отказаться от версии Рихтера и предлагать собственные, более соответствующие формально-стилевым особенностям памятника. Так, например, А. И. Некрасов связал храм в Дьякове с венчанием Ивана Грозного на царство и предложил временной промежуток между 1543 и 1547 годами, а М. А. Ильин в свою очередь высказал мнение, что строительство велось в 1553–1554 годах.

Поскольку в не дошедшем до нас источнике, упомянутом в найденных Ф. Ф. Рихтером клировых ведомостях, был указан 1529 год, всеми исследователями признаётся, что начиная с этого времени в Дьякове действительно существовал храм, скорее всего, деревянный. А В. В. Кавельмахер выдвинул остроумную примиряющую гипотезу, гласящую, что каменная шестипрестольная церковь, известная нам сегодня, появилась в результате перенесения в Дьяково престолов храма на Старом Ваганькове, пострадавшего в великом пожаре 1547 года, и объединения их с престолами, уже находящимися там[2] [Кавельмахер 1990].

Все теории, о которых сказано выше, объединяет общий принцип – они являются попытками определить годы строительства храма в Дьякове исходя из известных нам посвящений престолов. Однако этот подход не учитывает главную особенность памятника – его необычную внешность. Данный факт отметил А. Л. Баталов, предприняв важную попытку датировать здание, опираясь не на письменные источники (за неимением таковых), а на формально-стилевые черты. С его точки зрения, сопоставление декоративных приёмов церкви в Дьякове с поздними постройками Ивана Грозного позволяет отнести время создания храма к эпохе опричнины, то есть к 1560–1570-м годам[3] [см.: Баталов 1998].

***

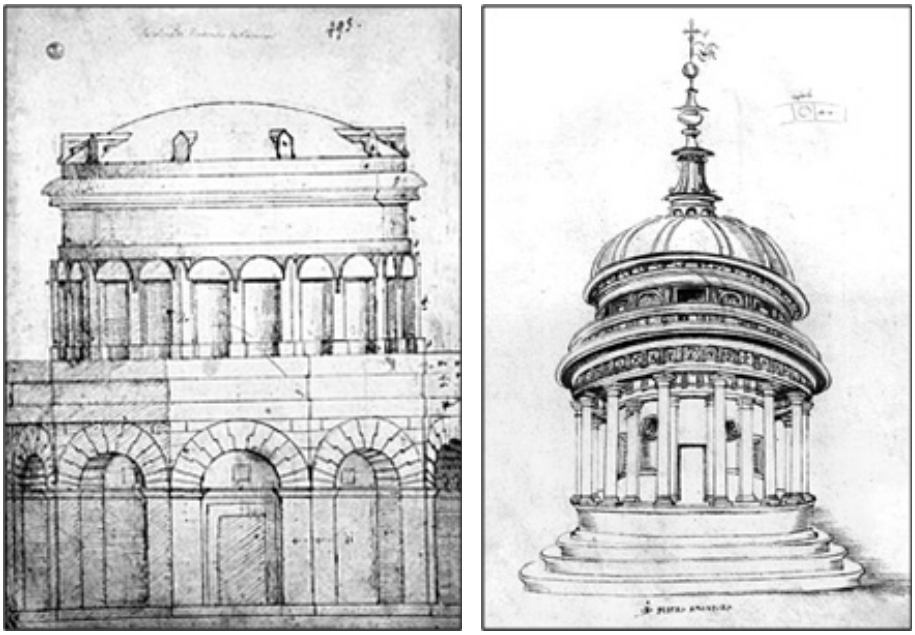
Как представляется, поскольку нам не известны письменные источники, следует продолжить попытки иконографически «прочитать» сам памятник. Например, если справедливо предположение, что шатёр в Вознесенской церкви в Коломенском мог буквально изображать Моисееву Скинию [см.: Кавтарадзе 2019], то допустима гипотеза, что и Предтеченский храм в Дьякове, поставленный всего в четырёхстах метрах от неё, имеет облик, прямо подражающий какому-то известному объекту.

Попробуем ещё раз, отбросив привычные представления, рассмотреть объёмы, завершающие композицию. Если взглянуть на церковь издалека, можно заметить,

[2] По версии В. В. Кавельмахера, Иван Грозный перенёс из Старого Ваганькова престолы Усекновения главы Иоанна Предтечи с приделами Уверения апостола Фомы и Петра митрополита (о них сказано в найденном Романовым документе) и объединил их с престолами уже существовавшей в Дьяково моленной церкви Василия III – двумя зачатьевскими (Зачатия Иоанна Предтечи и Зачатия святой Анны) и с престолом во имя небесных покровителей Елены Глинской – Константина и Елены.

[3] Следует отметить, что в данной работе нет нужды повторять подробные библиографические обзоры, касающиеся истории изучения рассматриваемых здесь памятников. Как уже говорилось, данный аспект исследован очень подробно, например, он прекрасно освещён в книге М. А. Ильина [см.: Ильин 1980].

что верх здания представляет собой самостоятельную конструкцию, не столько «вырастающую» из нижних ярусов, сколько установленную на них. Её очертания более всего, пожалуй, напоминают рисунки из круга Донато Браманте: фасад мавзолея Теодориха в Равенне, штудии на тему круглого в плане храма, а также зарисовку Темпьетто авторства того же Браманте (ил. 2), где можно увидеть сходство в скошенных карнизах [см.: Freiberg 2014, 90–92]. Конечно, невероятно, чтобы архитектор церкви в Дьяково буквально использовал упомянутые произведения. Но общую иконографию центрического двухъярусного купольного храма, какой она сложилась в эпоху Высокого Возрождения, он, по-видимому, знал.

Ил. 2. Слева: Дж. Баттиста Кордини. Мавзолей Теодориха в Равенне.
Справа: Круг Донато Браманте. Темпьетто. Флоренция, Галерея Уффици.
Источник: Freiberg 2014, 92

На рубеже XV–XVI веков и позже данная композиция вызывала у зрителей вполне определённые ассоциации: со времён крестовых походов Храм Соломона представляли именно таким – купольным и очень похожим на Куббат-ас-Сахра [ср.: Balfour 2012]. Здесь, в принципе, не нужны углублённые архивные изыскания, достаточно обратиться к заднему плану знаменитой картины Рафаэля «Обручение Марии» (ил. 3). Представление об Иерусалимском Храме как идеальном центрическом здании к тому времени становится всеобщим, распространённым в том числе и на Руси, – таким он изображён на миниатюрах Лицевого летописного свода. Бытованию этого образа нисколько не мешал тот факт, что в Библии Храм описан как, условно говоря, «базиликальный». Даже в одном издании, пример чему мы вскоре увидим, могли мирно сосуществовать оба варианта – вытянутый «библейский» и круглый идеализированный.

Ил. 3. Слева: верхний ярус церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове. Фото: С. Ю. Кавтарадзе.
Справа: Иерусалимский Храм. Фрагмент картины Рафаэля «Обручение Девы Марии», 1504. Милан, Пинакотека Брера. Источник: https://pinacotecabrera.org/en/collezione-online/opere/the-marriage-of-the-virgin/

Впрочем, у венчающей части храма в Дьякове есть важное отличие: она снабжена восемью большими экседрами, образующими довольно необычную в архитектуре форму. Стоит отметить, что граней нижнего яруса Купола Скалы – главного прототипа изображений Храма Соломона как центрического сооружения – как раз восемь. Но никаких полукружий там нет.

Здесь стоит вспомнить ещё одну гравюру из чрезвычайно популярного в XVI веке издания. В 1493 году – в июле на латыни, а в декабре на немецком – известным нюрнбергским печатником Антоном Кобергером (Anton Koberger, ок. 1440–1513) была издана богато иллюстрированная книга по всемирной истории, названная, соответственно, «Liber Chronicarum» и «Die Schedelsche Weltchronik»; её автором был врач и учёный Хартманн Шедель (Hartmann Schedel, 1440–1514). Рассказ о семи веках предначертанного Провидением существования земного мира – от Сотворения до Страшного Суда – сопровождался в ней множеством ксилографий с портретами знаменитостей и видами городов, когда относительно достоверными, а когда и вымышленными. Данный труд стал необычайно популярным и за несколько десятилетий разошёлся весьма солидным по тем временам тиражом.

Как и положено в средневековых хрониках, важное место в книге уделено главному городу Священной истории – Иерусалиму и, разумеется, ветхозаветному Храму. Творение Соломона показано в нём в основном в формах Куббат-ас-Сахра, какой её тогда принято было изображать – двухъярусной восьмигранной постройкой, увенчанной луковичной главой (ил. 4). Второй Храм, воссозданный после разрушения Навуходоносором, представлен в данном издании таким же, каким он выглядел на многочисленных научных реконструкциях тех времён – прямоугольной в плане постройкой со сложной системой дворов (листы LXVI, LXVI об., LXVII) [Worm 2011, 178, 194–196].

Ил. 4. Храм Соломона в Иерусалиме. Хартман Шедель.
Нюрнбергские хроники, 1493. Лист XLVIII
Источник: Worm 2011, 196

Ил. 5. Слева: главный фасад церкви Усекновения Главы
Иоанна Предтечи в Дьякове. Фото: С. Ю. Кавтарадзе.
Справа: вид Иерусалима после потопа. Хартман Шедель.
Нюрнбергские хроники, 1493. Лист XVII. Источник: Worm 2011, 178

Но вот в начале книги, на листе XVII, мы видим идеальный город – первый из построенных на Земле после потопа. Он за кольцами стен, с храмом в центре. На храме надпись «Templum Salomonis», внизу у него арочная галерея, а на втором ярусе не простой барабан и не восьмерик, а целый венец экседр (ил. 5). Трудно сказать, почему иллюстрировавшие «Нюрнбергские хроники» (принятое в России название) художники мастерской Михаэля Вольгемута (Michael Wohlgemut, 1434/1437–1519) и Вильгельма Плейденвурфа (Wilhelm Pleydenwurff, ок. 1450–1494) выбрали такую форму: вдохновлялись ли они рисунками, подобными штудиям Леонардо да Винчи, заимствовали ли композицию с вида города Haman (Амман?) из манускрипта Конрада фон Грюненберга [см.: Konrad von Grünenberg 1487] или нашли иные прототипы. Однако представляется, что если бы до Смуты зодчему на Руси поручили использовать данную гравюру в качестве образца, то получившееся здание вышло бы очень похожим именно на храм в Дьякове. «Настроив» зрение на то, что именно *изображено* его архитектурой, можно увидеть центрический храм, возвышающийся над стенами города. Недаром М. А. Ильин с его замечательной интуицией писал, что эта постройка напоминает замок [Ильин 1980, 56].

Ил. 6. Щипцы (вимперги) как символическое обозначение архитектуры Иерусалима. Вверху: фрагмент миниатюры «Захват Иерусалима крестоносцами в 1099 году». *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* Вильгельма Турского (сер. XIV в.). BNF MS FR 352 fol. 62. Внизу: нижний ярус главного фасада церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове. Фото: С. Ю. Кавтарадзе

Если согласиться с тем, что здание храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково является буквальным изображением либо ветхозаветного града Иерусалима с Храмом в центре, либо, как минимум, Соломонова Храма, окружённого стенами двора, то повествовательный смысл получают и некоторые декоративные элементы фасада, причём объяснение можно найти уже в русском искусстве – на миниатюрах Лицевого летописного свода. Так, копьевидные наличники, такие же, как в церкви Вознесения в Коломенском и в храме Покрова на Рву, в точности повторяют абрис фасадов городских домов, какими их изображали русские иконописцы. А в галерее у подножия композиции легко узнаётся практически непременный атрибут иконографии Храма, когда он рисуется по образцу Купола Скалы: вимперги на тонких опорах (ил. 6). Причем ближайший аналог, со щипцами вместо арок, имеется на страницах того же Лицевого летописного свода. К этому стоит добавить, что, возможно, автор храма в Дьякове, сделав его квадратным в плане, хотел также показать и связь земного Иерусалима с Небесным – того, что «расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта» (Откр 21:16). Впрочем, никаких иных признаков отсылки к Апокалипсису заметить здесь не удаётся.

***

Однако зачем Ивану Грозному понадобилось отказываться от уже широко использовавшегося шатрового завершения (как мы помним, отсылающего к теме Скинии Моисеевой) и обращаться к поискам новых иконографических решений? Или всё-таки заказчиком был не он?

Стоит вспомнить, что в русской истории был и другой царь, чей интерес к теме Ветхозаветного Храма отражён во многих текстах. Это Борис Годунов, собиравшийся построить в Кремле Святая Святых. Существует несколько работ, в которых авторитетные исследователи – прежде всего А. Л. Баталов – интерпретируют эти планы как желание воспроизвести на московской земле иерусалимский Храм Гроба Господня, несомненно являющийся для христиан Святая Святых [Баталов, Вятчанина 1988, 25; Баталов 1994; Баталов 1996, 78–102]. Следует, впрочем, признать, что преждевременно отказываться и от другой версии – той, что Борис Фёдорович замыслил воплотить в Кремле образ именно Ветхозаветного Храма.

Во-первых, нужно отметить, что в большинстве из дошедших до нас документов недвусмысленно говорится, что, замыслив работы в Кремле, царь Борис ставил перед собой не одну, а две задачи. Из золота отливали Гроб Господень, а проводили предпроектные исследования и складировали строительные материалы, несомненно, для другого объекта – Святая Святых. Только в «Сказании» Авраамия Палицина говорится иначе: «Царь убо Борис мысля храм нов воздвигнути во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и по образцу сделанного сметив…» [Державина, Колосова 1955, 278–279]. Но вот дьяк Иван Тимофеев, автор дошедшего до нас в копии 30-х годов XVII века «Временника» и, несомненно, очевидец событий, чётко различает ветхозаветную и новозаветную святыни. С одной стороны: «Первое, самое важное его дело: он принял умом своим твердое решение, (которое) везде стало известно, что весь его подвиг (вся его забота) будет о создании святейшего храма, – он хотел его устроить в своем царстве, так же как в Иерусалиме, подражая во всем самому Соломону, чем явно

унижал храм Успения Божией Матери – древнее создание св. Петра. И то, что необходимо было на постройку и созидание стен, все им приготовлялось»[4]. С другой стороны: «Второе – тоже великое его дело, он хотя и хотел, но не смог его (выполнить): источник самой вечно существующей жизни нашей, Гроб единого от состава Троицы Христа Бога, вместилище Его Божественной плоти, подобный находящемуся в Иерусалиме мерою и видом, он постарался изобразить, слив его весь из золота и украсив драгоценными камнями и золотой резьбой» [Державина 1951, 232].

Во-вторых, стоит вспомнить, что к этому времени в Кремле уже был Анастасис – храм Воскресения, центрическая постройка, согласно летописям, до 1543 года возводившаяся при участии Петра Фрязина (предположительно, вернувшегося на Русь – принудительно или по собственной воле – после известного побега). В. В. Кавельмахер ещё в 1975 году доказал, что разрушенная Наполеоном звонница при Иване Великом появилась лишь во второй половине XVII века. А с 1532 по 1543 годы на этом месте итальянский мастер вёл строительство центрического храма. Именно он и изображён на старых гравированных планах Москвы: «Кремленаграде» (начало 1600-х годов), «Сигизмундовом плане» (1610), Атласе Мериана (1643), «Несвижском плане» (1611)[5]. Поскольку Храм Воскресения над Кувуклией в Иерусалиме тоже центрический – круглый в плане, допустимо предположить, что упомянутый в источниках золотой Гроб Господень, отливавшийся по приказу Бориса Годунова, предназначался для этой, уже возведённой кремлевской постройки.

Ил. 7. Дуччо ди Буонинсенья. Искушение Христа на горе. 1308–1311
New York. The Frick Collection. Источник: https://www.pravmir.ru/

[4] Тексты Ивана Тимофеева приведены в переводе О. А. Державиной и А. М. Державина.

[5] Все подробности изложены в статье: Подъяпольский 1983.

Любопытно, что здесь мы неожиданно встречаемся с ситуацией, изображённой в работе Дуччо «Искушение Христа на горе»: центрический храм, а при нём вертикаль, иконический символ Священного Города (ил. 7). Возможно, возводя церковь Иоанна Лествичника, Бон Фрязин строил не просто колокольню, каких много у него на родине, но часть продуманной символической композиции, рассчитанной на многолетнюю реализацию. Прототип же данной высотной композиции следует искать не только среди итальянских кампанилл, но и на гравюрах с панорамами древнего Иерусалима [ср. Moore 2017]. Не исключено, что надстройка колокольни в годуновские времена и увенчание её луковичной главой была вызвана стремлением сделать вертикаль ещё более похожей на те, что изображены на многочисленных картинах с видами Священного Города.

Иными словами, стоит рассмотреть гипотезу, что задолго до появления проекта патриарха Никона Новый Иерусалим уже строился в Кремле. При этом концептуальную полноту замысел приобрёл бы с возведением близ церкви Воскресения ещё и Ветхозаветного Храма – то есть Святая Святых царя Бориса. С этой точки зрения более понятны слова Ивана Тимофеева об умалении значения Успенского собора, в чём он винил Годунова. Царь Борис фактически менял приоритеты, его строительством богородичная тема в Кремле отодвигалась на второй план.

Наконец, можно привести и третий аргумент. Обращаясь к источникам, любопытно отметить одну особенность. Все они подробно и старательно рассказывают именно о подготовительном этапе, а не о попытках построить Святая Святых. Так, автор Пискаревского летописца пишет: «Того же году царь и великий князь Борис Федорович замыслил был делать “Святая святых” в Большом городе Кремле на площади за Иваном Великим. И камень, и известь, и сваи – все было готово, и образец был древяной зделан по подлиннику, как составляетца “Святая святых”; и вскоре его смерть застигла» (л. 611) [ПСРЛ 1978, 202]. Элиас Геркман, описывавший данные события (правда, с чужих слов), сделал своё повествование особенно красноречивым: «По вступлениии на престол он (Борис Годунов – *С.К.*) тотчас же приказал разъискивать в других странах искусных мастеров, как-то: скульпторов, золотых дел мастеров, плотников, каменотесов и всякаго рода строителей. Никто не знал, зачем это он делал. Затем он начал советоваться <с мастерами> о том, что ему предпринять для увековечения своего имени. Наконец он решился построить церковь, которая своим видом и устройством походила бы на храм Соломона. Этим он думал получить великую милость от Бога и оказать необыкновенную услугу людям. Мастера тотчас же принялись за работу, стали делать небольшие модели, причем обращались к книгам Св. Писания, к сочинениям Иосифа Флавия и других писателей. Сделав модель, <мастера> показали ее Борису, и она ему очень понравилась. Но <это предприятие>, по-видимому, не понравилось Царю Царей, Господу Богу, и я умолчу об окончании постройки храма, так как ни одно из предприятий Бориса не осуществилось» [Масса, Геркман 1874, 270].

Не правда ли, данный рассказ напоминает историю создания Храма в библейском изложении? Царь Давид, основатель новой династии, воин, верно служивший прежнему властителю, выкупил место под строительство у иевусеянина Орны, заготовил строительные материалы, наладил дружбу с царем тирским Хирамом, в распоряжении которого имелись опытные зодчие… И оставил возможность осуществить задуманное сыну Соломону, ибо его самого Бог счёл недостойным.

Борис Годунов, несомненно, находил здесь параллели с собственными жизненными обстоятельствами. Не было это секретом и для Ивана Тимофеева: «Как мог он помыслить создавать такие великие сооружения, как постройку такого святого храма и Гроба для тела Господня, без воли и согласия Божия, позабыв, что в древности и богоотец пророк, святой Давид царь, который был угоден Богу, намеревался построить такое здание и не получил <на это согласия>? Но ему было возвещено, что происшедший из его чресл <сын> такое начнёт и совершит. О таких самовольно начинающих хорошо было сказано, что они "замыслили советы, которых не могли исполнить"» [Державина 1951, 233–234].

Эту же тему поддержал Исаак Масса в своём «Кратком известии о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей» (впрочем, сведя в единый замысел золотой Гроб Господень и Святая Святых): «Борис расположил воздвигнуть большой храм, для чего было приготовлено место в Кремле; и он хотел назвать его "Святая святых", полагая в добром усердии последовать в том царю Соломону, ибо он боялся Бога и думал тем Его умилостивить, но, увы, он не помыслил о том, что всемогущий Бог требует не храмов, построенных руками человеческими, а очищения души, за спасение которой умер Сын Божий. Сверх того, он <Борис> забыл, что золото и драгоценные камни, назначенные им для храма, были по большей части взяты и похищены у лиц, принадлежавших к знатнейшим родам в стране <Московии>, коих он, как было сказано, невзирая на их невинность, изводил сотнями, ибо был слеп и, не получая ниоткуда света, пребывал в совершенном мраке»[6] [Масса 1937, 63].

Скорее всего, Борис Фёдорович и не рассчитывал увидеть своими глазами завершение строительства Святая Святых. Подобно библейскому Давиду, которому Бог запретил самому строить храм, он – основатель династии, победный воитель в прошлом – оставлял эту честь сыну. Быть может, именно на это намекает храмозданная летопись на венчающем барабане колокольни Ивана Великого, где вместе с царём упомянут и сын его Фёдор Борисович.

Кстати, в записках Исаака Массы находятся и другие соответствия, в которых Борису Годунову могли видеться параллели с библейской историей. У него, как и у Соломона, имелся царственный друг: «Поэтому царь возобновил дружбу с королём датским как с ближайшим соседом, и они поделили между собою Лапландию (Lapland) – каждый из них взял своё – и заключили вечный мир и тесный союз (vaste aliantie)» [Минцлов 1868, 61–62].

Не исключено даже, что именно в этом документе назван автор проекта Святая Святых в Кремле: «А для заключения мира и брака отправили послом

[6] В оригинальном тексте Кремль не упомянут, говорится просто о «за́мке»: «En tot ambassadeur om den vreede en houwelyc te sluyten, wirdt gesonden eenen genaempt Posnic Dimitroff, en wirdt deesen metgegeven het conterfeytsel der jonger princesse, seer constich gemaect van eenen goutsmit, die Jacop de Haen genaempt was, de welcke ooc 12 apostolen en eenen Cristus metten engel Gabriel van fynen goude gegooten hadde, totte welke Boris geordonneert hadde eenen grooten tempel, daer de plaetse in 't slot al toe bereyt was, en wilde den selven noemen het heylyge der heyligen, meynende Salomon den coninc daerin te volgen, al uut goeden yver, vreesende gode en meynde hem daermede te versoenen, maer hy en docht, och lacen, niet dat godt almachtich nu niet gedient en is met tempels van menschenhanden gemaect, maer dat hy den tempel daer de soone godts voor gestorven was moest suyveren en reynigen» [Минцлов 1868, 40].

Посника Димитриева, взявшего с собой изображение (het conterfeytsel) молодой княжны, весьма искусно сделанное ювелиром Яковом Ганом (Jacop de Haen), который также отлил 12 апостолов, Иисуса Христа и архангела Гавриила» [Минцлов 1868, 62]. Впрочем, это мог быть и кто-то из приехавших в свите столь некстати заболевшего и умершего в гостях у царя Бориса герцога Ягана (принца Иоанна Шлезвиг-Гольштейнского).

***

Итак, можем ли мы в свете всего вышесказанного допустить, что, вопреки устоявшимся представлениям, существующее здание церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове создано не при Рюриковичах, а при Годунове и по его приказу – как часть подготовки к строительству Святая Святых в Кремле, например?

Пожалуй, главным аргументом в пользу данного предположения является тот факт, что, за исключением клировой записи 1887 года, мы не имеем никаких летописных упоминаний о дьяковском храме. Могло ли случиться подобное с царской постройкой времён Василия III или Ивана IV? Добавим, что и храмы, сооружённые по дозволению Фёдора Иоанновича, нам также хорошо известны – они подробно перечислены в Пискаревском летописце. Кажется, только последовавшее за царствованием Бориса Фёдоровича Смутное время и преимущественно неодобрительные отзывы о его правлении в документах, созданных уже после восшествия на трон Михаила Романова (их авторы, как правило, вспоминают царя Бориса без симпатий; единственное исключение – лояльный к нему патриарх Иов, однако он является автором жития Фёдора Иоанновича, а не Бориса Фёдоровича и, кроме того, вообще не говорит об архитектуре), могут служить объяснением, почему столь важная постройка оказалась забытой летописцами.

Стоит отметить, что тот же аргумент вполне применим и в рассуждениях о датировке церкви Преображения Господня в Острове. Она также не упоминается в документах XVI–XVII веков[7]. Кроме того, она такая же стройная, как и дошедшая до нас лишь в изображении Суходолова постройка в Борисовом городке; шатровые храмы грозненского времени, как правило, выглядят более приземистыми.

Однако, быть может, между зданием в Дьякове и постройками годуновской эпохи существуют какие-то очевидные стилистические различия, делающие бессмысленным разговор о перенесение даты постройки на рубеж XVI–XVII веков?

Как уже говорилось, наиболее поздняя из принятых сегодня датировок – 1560–1570 гг. предложена А. Л. Баталовым [см.: Баталов 1998]. Исследуя стилевые особенности памятника, он показал, что создавшие его мастера следовали тенденции, проявившейся ещё на фасадах придельных церквей на сводах галерей Благовещенского собора московского Кремля и позже ярко представленной в постройках комплекса Александровской слободы, прежде всего – в Распятской церкви-колокольне.

Продолжая эту мысль, мы можем отметить, что с возведением Архангельского собора в русской храмовой архитектуре появилось два возможных вектора худо-

[7] От Н. Д. Троскиной мне известно, что к датировке Преображенского храма временем царствования Бориса Фёдоровича в устных беседах склонялся Б. Л. Альтшуллер.

жественного решения фасадов. Аристотель Фиораванти продолжил древнерусскую традицию, когда прясло – стена между лопатками, поднимающаяся в полукружия закомар – рассматривается гранью общего объёма, его поверхность как бы «растягивается» между опорными элементами. Тремя десятилетиями позже Алевиз Новый предложил иной подход. Лопатки у него превратились в классические пилястры, на них «укладывались» горизонтали антаблементов, превращая ставшие самостоятельными элементами закомары в подобие огромных декоративных кокошников с возможным заполнением дополнительными украшениями. Плоскости прясел же становились своего рода «картинами», благодаря многоступенчатым филенкам оформленными в «паспарту». Это делало композицию нарядной и пластически «сочной». К концу царствования Ивана Васильевича этот, второй, подход постепенно становится доминирующим. И, что важно для нас, продолжается и после кончины грозного царя.

Ил. 8. Профили филёнок в пряслах церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове (слева) и в соборе Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (справа). Фото: С. Ю. Кавтарадзе

Сравним с этих позиций церковь в Дьякове с сооружениями эпохи Фёдора Иоанновича и Бориса Фёдоровича. Если отвлечься от композиционных различий, можно отметить, что «двойные» ступенчатые филенки на гранях центрального восьмерика дьяковской церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи стилистически близки к решению прясел собора Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря, построенного по приказу последнего из Рюриковичей (ил. 8). Здесь тот же шаг профиля в один кирпич и простые обломы – полочка и четвертной вал. Кроме того, можно отметить и характерное решение горизонтальных членений. То, что когда-то было предложено Алевизом Новым как сложный антаблемент с уступчатым архитравом и глад-

кой полосой фриза, во второй половине XVI века стало, по-видимому, восприниматься на Руси как применение дублирующего карниза под главным. Такое же стилевое сходство можно заметить при сопоставлении филёнок малых столпов дьяковской постройки с аналогичными деталями Введенского храма серпуховского Владычного Введенского монастыря (ил. 9), ктитором которого был Борис Годунов. Сходство тем более примечательное, что масштаб в один кирпич выдерживается в постройке из белого камня.

Ил. 9. Профили филёнок в пряслах церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове (справа) и во Введенском храме серпуховского Владычного Введенского монастыря (слева). Фото: С. Ю. Кавтарадзе

Нужно сказать, что есть и серьёзный довод против признания храма в Дьякове постройкой времени царствования Бориса Годунова. Это вопрос посвящения престолов. Главный из них, несомненно, связан с тезоименитством Ивана IV – будущий царь родился в ночь с 24 на 25 августа, а великий праздник Усекновения Главы Иоанна Предтечи отмечается 29 числа того же месяца (11 сентября по новому стилю). Зато престола, посвященного Борису Фёдоровичу – Борисоглебского, например, в церкви нет.

Однако, думается, этот факт не может рассматриваться как повод к бескомпромиссному отказу от данной гипотезы. Во-первых, вопрос о логике посвящения престолов Предтеченской церкви в полной мере не прояснён до сих пор. Во-вторых, большинство исследователей исходят из предположения, что первоначальный храм, скорее всего, деревянный, если и перестраивался, то обязательно при жизни Грозного. Однако здание могло обновляться несколько раз или единожды, но уже после 1584 года. Освящённые престолы должны были сохраняться независимо от того, кто занял трон. Вот, например, что писал об этом В. В. Кавельмахер: «Однако исчезнуть бесследно обетная церковь Василия III

не могла. Древнее благочестие этого бы не допустило. Подобное почти немыслимо даже по отношению к обычным приходским церквам, и тем более немыслимо по отношению к церквам царского и великокняжеского обихода. Ни ветшания, ни пожары не приводили в древности к упразднению того, что называлось "службой". Сгорала церковь, но оставалось неприкосновенным т. н. "церковное место", оставались причт и приход (если церковь была приходской), церковная пахотная земля, даваемая на прокорм причту, хлебная или денежная руга, статьи расхода в книгах Казённого приказа, по которым выдавались ладан, облачения, церковные книги и т. д.» [Кавельмахер 1990].

Церковь, пришедшую в ветхое состояние в царских владениях близ Коломенского (не исключено, что в результате боевых действий в этих местах в 1591 году), могли возобновить и после смерти Ивана Васильевича. Вряд ли это случилось при Фёдоре Иоанновиче: храмы, строившиеся по его позволению, как уже говорилось, подробно перечислены в Пискаревском летописце. А вот строительство при Борисе Годунове выглядит вполне вероятным. Не исключено, что был предусмотрен и посвящённый Борису и Глебу придел; но если освящение состоялось уже после смерти Годунова, то этот план мог быть забыт сам собой.

***

Однако, что ещё, кроме отсылки к образу Соломонова Храма, делает возможным сопоставление неосуществлённой Святая Святых с церковью Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове?

Именно Борис Годунов был более всех заинтересован в монументальном строительстве как раз близ Коломенского. Ведь в этих местах ярче всего проявились его полководческие таланты. В 1591 году крымские татары в очередной и, как известно, в последний раз отправились походом на Москву. Под предводительством Казы Гирея (Газы II Герай, 1551–1607) они стремительно приближались к столице, не отвлекаясь, как бывало раньше, на попутное разграбление мелких городов и сёл. Вопреки обычаю[8], царь Фёдор Иоаннович остался в Кремле, стараясь, как когда-то его ещё юный отец, помочь войскам страстными молитвами.

Собственно боевые действия оказались недолгими и хаотичными. Казы Гирей разбил лагерь у Коломенского, активные события разворачивались «по фронту» от села Воробьева до Котлов. Русские войска расположили «обоз» (род «бронепоезда» на конной тяге: защищённые повозки с артиллерией и ружейным боем, составлявшиеся в «город») там, где сейчас находится Донской монастырь.

Во вторую ночь ещё до рассвета что-то заставило татар спешно отойти – заступничество ли чудотворной Донской иконы Божией Матери, доставленной в лагерь по повелению православного царя, мужество ли добровольца, притворно сдавшегося в плен и сообщившего о подходе к московитам огромного подкрепления, или описанная в Пискаревском летописце анекдотическая история с вырвавшимся из упряжи конём и поднявшейся из-за этого беспорядочной стрельбой. Так или иначе, но стремительный уход войска Казы Гирея было воспринято как великая победа.

[8] Как сообщает Пискаревский летописец (л. 594), «прежния великия князи бегали с Москвы на Белоозеро» [ПСРЛ 1978, 197].

Из рассказов об этих событиях нам больше прочих интересна «Повесть о житии царя Феодора Ивановича», написанная патриархом Иовом уже по прошествии Смутного времени. Во-первых, она даёт дополнительное объяснение тому, почему в ту эпоху был столь велик интерес к Ветхому Завету. Обращаясь к Евангелию или к Деяниям святых апостолов, трудно найти фрагменты, вдохновляющие на битву и призывающие к военным победам. Зато Ветхий Завет полон историй, годящихся в качестве примера для собравшихся воевать, а патриарх Иов приводит их в изобилии.

Во-вторых, Иов рассказывает историю об устройстве внутри «обоза» церкви во имя преподобного чудотворца Сергия и подчёркивает, что она из полотна, то есть похожа на Скинию. Таким образом, как видим, тема ветхозаветного Храма, в данном случае, походного храма-шатра Моисея, не была забыта и после смерти Ивана Грозного: «Близ же царствующего града, яко поприща два или мало вдалее, повеле изрядный правитель Борис Федорович поставити град, обоз нарицаемый, иже некоею премудростию на колесницах устроен и к бранному ополчению зело угоден, и тамо повеле совокупити царское христолюбивое воинство и великие пушки и многие бранные хитрости тамо повеле устроити; внутрь же града того повеле поставити церковь во имя преподобнаго Сергия Чюдотворца, иже от полотна устроена, якоже и древняя Израителская скиния, в сохранение и спасение града от нашествия поганых варвар» [ПСРЛ 1910, 11–12][9].

Наконец, в-третьих, Иов, в отличие от автора Пискаревского летописца, особо подчёркивает роль Бориса Годунова как главного организатора победы. Трудно сказать, что думали об этом другие участники событий, но Борис Фёдорович, надо полагать, с патриархом не спорил. И, поскольку торжество было столь же весомым, как и Казанское взятие – ведь набеги крымских татар прекратились подобно тому, как после 1552 года прекратились нападения со стороны наследников Золотой Орды, – царь Борис, несомненно, видел себя достойным памятника.

Его предшественник – Фёдор Иоаннович – увековечил память о себе, учредив Донской монастырь: «А на том месте, где обоз стоял, велел поставим храм камен пречисты<е> богородицы Донския и манастырь согради, и и<г>умена и братию учинити, и вотчину пожаловал под Москвою село Семеновское, семь верст от Москвы по Колужской дороге» (Пискаревский летописец, л. 595 об.) [ПСРЛ 1978, 197].

С точки зрения Бориса Фёдоровича разумно было бы поставить «храм камен» и в другой важной точке событий 1591 года – близ Коломенского, теперь уже в память о воинских подвигах самого Годунова. В этом случае всё сложилось бы очень ладно. Была бы поновлена обветшавшая церковь с шестью приделами. Каменщики освоили бы необычные формы деревянной модели, созданной в процессе разработки проекта Святая Святых. Если всё было именно так, то, возможно, военно-мемориальный характер постройки и сделал её многостолпной, то есть похожей на посвящённый победе над Казанским ханством храм Покрова на Рву, однако увенчанной уже не шатром Моисеевой Скинии, а куполом Соломонова Храма.

[9] Благодарю за подсказку Наталью Дмитриевну Троскину.

Библиография

Баталов 1994 – *Баталов А. Л.* Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. Москва, 1994. С. 154–171.

Баталов 1996 – *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи. Москва, 1996.

Баталов 1998 – *Баталов А. Л.* О датировке церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове // Русская художественная культура XV–XVII веков. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XI. Москва, 1998. С. 220–239.

Баталов, Вятчанина 1988 – *Баталов А. Л., Вятчанина Т. Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII веков // Архитектурное наследство. Вып. 36. Москва, 1988. С. 22–42.

Державина 1951 – Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, пер., комм. О. А. Державиной. Москва, Ленинград, 1951.

Державина, Колосова 1955 – Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста, комм. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. Москва, Ленинград, 1955.

Ильин 1980 – *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века: Проблемы и гипотезы, идеи и образы. Москва, 1980.

Кавельмахер 1990 – *Кавельмахер В. В.* К истории постройки именинной церкви Ивана Грозного в селе Дьяково. Москва, 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusarch.ru/kavelmakher15.htm (дата обращения: 14.09.2022).

Кавтарадзе 2019 – *Кавтарадзе С. Ю.* «По подобию Святой Скинии». К вопросу о происхождении русских шатровых храмов // Пространство иконы. Иконография и иеротопия. Москва, 2019. С. 161–185.

Мартынов, Снегирёв 1848 – Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. Мартынова, текст И. М. Снегирёва. Изд. 2-е. Часть 1. Москва, 1848.

Масса 1937 – *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер., предисл., прим. А. А. Морозова. Москва, 1937.

Масса, Геркман 1874 – Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Санкт-Петербург, 1874.

Минцлов 1868 – Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею. Том II: Известия голландцев Исаака Массы и Ильи Геркманна / Изд. подг. Р. Минцловым. Санкт-Петербург, 1868.

Подъяпольский 1983 – *Подъяпольский С. С.* Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. Москва, 1983. С. 34–50.

ПСРЛ 1910 – Полное собрание русских летописей. Том XIV. Санкт-Петербург, 1910.

ПСРЛ 1978 – Полное собрание русских летописей. Том XXXIV. Москва, 1978.

Рихтер 1850 – Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высечки и живописи / Сост. и изд. под руководством Ф. Рихтера. Москва, 1850.

Романов 1925 – *Романов К. К.* Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1925. Том 4. С. 209–241.

Balfour 2012 – Balfour A. Solomon's Temple: Myth, Conflict, and Faith. Wiley-Blackwell, 2012.

Freiberg 2014 – Freiberg J. Bramante's Tempietto, the Roman Renaissance, and the Spanish Crown. Cambridge University Press, 2014.

Konrad von Grünenberg 1487 – Beschreibung der Reise von Konstanz nach Jerusalem durch Konrad von Grünenberg, um 1487. Cod. St. Peter. Pap. 32. URL: https://digital.blb-karlsruhe.de/blbhs/content/pageview/3853500 (accessed: 15.09.2022).

Moore 2017 – Moore K. B. The Architecture of the Christian Holy Land: Reception from Late Antiquity through the Renaissance. Cambridge University Press, 2017.

Worm 2011 – Worm A. Text – Bild – Kontext. Jerusalem in Hartmann Schedels Liber Chronicarum. *Bild und Text im Mittelalter*. Wien, Köln, Weimar, 2011. S. 175–203.

References

Balfour 2012 – Balfour A. Solomon's Temple: Myth, Conflict, and Faith. Wiley-Blackwell, 2012.

Batalov 1994 – Batalov A. L. The Holy Sepulcher in the Plan of Boris Godunov's 'Holy of Holies'. *Jerusalem in Russian Culture*. Moscow, 1994. Pp. 154–171. In Russian.

Batalov 1996 – Batalov A. L. Moscow Stone Architecture of the Late 16th Century: Problems of Artistic Thinking of the Era. Moscow, 1996. In Russian.

Batalov 1998 – Batalov A. L. On Dating the Church of the Beheading of John the Baptist in Diakovo. *Russian Artistic Culture of the 15th – 17th Centuries. State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin". Materials and Research*. Is. 11. Moscow, 1998. Pp. 220–239. In Russian.

Batalov, Vyatchanina 1988 – Batalov A. L., Vyatchanina T. N. On the Ideological Significance and Interpretation of the Jerusalem Pattern in Russian Architecture of the 16th – 17th Centuries. *Architectural Heritage*. Is. 36. Moscow, 1988. Pp. 22–42. In Russian.

CCRC 1910 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14. St. Petersburg, 1910. In Russian.

CCRC 1978 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Moscow, 1978. In Russian.

Derzhavina 1951 – The Ivan Timofeev's Chronicle. Ed. by O. A. Derzhavina. Moscow, Leningrad, 1951. In Russian.

Derzhavina, Kolosova 1955 – The Tale of Avraamy Palitsyn. Ed. by O. A. Derzhavina, E. V. Kolosova. Moscow, Leningrad, 1955. In Russian.

Freiberg 2014 – Freiberg J. Bramante's Tempietto, the Roman Renaissance, and the Spanish Crown. Cambridge University Press, 2014.

Ilyin 1980 – Ilyin M. A. Russian Tent Architecture. Monuments of the Middle of the 16th Century: Problems and Hypotheses, Ideas and Images. Moscow, 1980. In Russian.

Kavelmacher 1990 – Kavelmacher V. V. On the History of the Construction Birthday Church of Ivan the Terrible in the Village of Diakovo. Moscow, 1990. URL: http://www.rusarch.ru/kavelmakher15.htm. In Russian.

Kavtaradze 2019 – Kavtaradze S. Yu. "In the Image of the Holy Tabernacle". A Probable Origin of the Russian Tent-like Churches. *Space of the Icon. Iconography and Hierotopy*. Moscow, 2019. Pp. 161–185. In Russian.

Konrad von Grünenberg 1487 – Beschreibung der Reise von Konstanz nach Jerusalem durch Konrad von Grünenberg, um 1487. Cod. St. Peter. Pap. 32. URL: https://digital.blb-karlsruhe.de/blbhs/content/pageview/3853500 (accessed: 15.09.2022).

Martynov, Snegirev 1848 – Russian Antiquity in the Monuments of Sacred and Civil Architecture. Ed. by A. Martynov. Text by I. M. Snegirev. Part 1. Moscow, 1848. In Russian.

Massa 1937 – Massa I. Brief News about Moscovia at the Beginning of the 17th Century. Transl. into Russian by A. A. Morozov. Moscow, 1937.

Massa, Herckmans 1874 – Tales of I. Massa and E. Herckmans about the Time of Troubles in Russia. Transl. into Russian. St. Petersburg, 1874.

Mintslov 1868 – Tales of Foreign Writers about Russia, Published by the Archaeographic Commission. Transl. into Russian. Vol. 2. Ed. by R. Mintslov. St. Petersburg, 1868.

Moore 2017 – Moore K. B. The Architecture of the Christian Holy Land: Reception from Late Antiquity through the Renaissance. Cambridge University Press, 2017.

Podyapolsky 1983 – Podyapolsky S. S. Architect Petrok the Less. *Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Style, Attribution, Dating*. Moscow, 1983. Pp. 34–50. In Russian.

Richter 1850 – Monuments of Old Russian Architecture, Taken from Nature and Presented in Plans, Facades, Sections, with Wonderful Details of Stone Carvings and Paintings. Ed. by F. Richter. Moscow, 1850. In Russian.

Romanov 1925 – Romanov K. K. Pskov, Novgorod and Moscow in their Cultural and Artistic Relationships. *News of the Russian Academy of the History of Material Culture*. 1925. Vol. 4. Pp. 209–241. In Russian.

Worm 2011 – Worm A. Text – Bild – Kontext. Jerusalem in Hartmann Schedels Liber Chronicarum. *Bild und Text im Mittelalter*. Wien, Köln, Weimar, 2011. S. 175–203.

Информация об авторе
Сергей Юрьевич Кавтарадзе
старший преподаватель школы дизайна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7525-908X
e-mail: skavtaradze@hse.ru

Information about the author
Sergey Yu. Kavtaradze
Senior Lecturer of Art and Design School
National Research University “Higher School of Economics”
11, Pokrovsky boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7525-908X
e-mail: skavtaradze@hse.ru

Материал поступил в редакцию / Received 18.09.2022
Принят к публикации / Accepted 27.10.2022